

Маникюр на память

Александр Мамлюк

Маникюр на память

Александр Мамлюк

18+

Александр Мамлюк
Маникюр на память

«ЛитРес: Самиздат»

1990

Мамлюк А.

Маникюр на память / А. Мамлюк — «ЛитРес: Самиздат», 1990

О людях, которые жили в Советском Союзе и любили друг друга. Рик познает этот мир на ощупь, порой как герой боевика или вестерна, порой как герой-любовник и великий шутник, порой становится философом в экзистенциальной драме.

...Они с бешеной скоростью несутся по широким авеню и узким улочкам, по гигантским акведукам и паутинным капиллярам скоростных трасс, бесстрашно лавируют по пульсирующим тоннелям – их миллионы – им все равно! Они тысячами возрождаются в минуту и тысячами гибнут, не требуя себе ни награды, ни почестей. Они красные и белые, без короны на голове, без крапинок золота на теле. Среди них нет зараженных идей – таких мгновенно остановят и уничтожат неподкупные и неустрашимые постовые, и, если потребуется, – вызовут камикадзе, которые, ни секунды не раздумывая, бросятся в бой и пожертвуют собой. Они ни о чем не рассуждают и ничего не знают. У них нет ни головы, ни ног, ни мозга, нет даже колес – они берут шарики воздуха и обменивают кислород на углекислый газ без пользы для себя, без взяток и приказов, без угроз и насилия, без жалоб на то, что они будут иметь потомство. Ценность микро – шарика кислорода можно легко проверить, надев на голову целлофановый мешок. Хорошо проделывать это по утрам в комплексе с физзарядкой и чисткой зубов. Кровяным тельцам все равно, на кого они работают – им не мешает, а наоборот, помогает такая хитрая и сложная система-организм, изучая который доктора наук приходят в уныние, переходящее с возрастом в скоропостижный маразм. Да, это сделано не такими жадными и потными, часто волосатыми пятипалыми конечностями (вроде это – верх совершенства!) и, если необходимо подтолкнуть архитектора к суициду, достаточно поставить перед ним длинный пшеничный колос и не давать ему возможность отвести от него взгляд.

...Материя медленно, но все же зашевелилась; четко и ритмично заработал насос, клапаны вспоминали забытый ими цикл работы; открылась плотина и теплые струи оживили звёздную млечность мозга. Появились разведчики: осязание, слух, а за ними и остальные стали выскакивать, как суслики из прохладных нор в жаркой пустыне, чтобы не различить, а только успеть понять инстинктом: что там, наверху, и тут же нырнуть в недра материнского безмолвия, переварить, что гам. в дали, в ограниченном пространстве, – реет ли в вышине черный хищник забвения или плывет в ней, разрезая овальные буруны ветра, белая птица бытия? Копытятся себе они тихо в обсыпавшихся уютных норках, толкая друг друга от нетерпения малюсенькими теплыми лапками, сверкая укоризненно и беспомощно черными спелыми ягодками глаз. Решатся ли они разом выскочить на оглушающий простор, готовы ли они ощутить цепкую сухую подвижность песка времени и бессмысленный, преломленный своими глазами свет жаркого, не видимого еще солнца?

Нельзя прийти в себя после потери сознания. Сознание, наоборот, выходит из себя, снова и снова воспринимая окружение, которое без его отсутствия ничем не задето, не изменено. Только стая рыб может мгновенно понять, что одна из них ранена, замелькать серебристыми искрами боков, в волнении. Это полчища крыс моментально поймут, какая из них подвержена особому цинизму, и полезут на стену, пища разрывами мудрых морд. И лишь человек спокойно читает газету, лежа на диване, и не знает, что его друг истекает последней иллюзией и лежит рядом, за фанерной стенкой, обклеенной бумажными червонцами, не отдав душу Богу и не продав ее дьяволу, а вогнав ее в полиэтиленовый шприц вместе с кубиком воздуха. Собака не нюхает духи, понимая, каким прессом выжаты слезы цветов, – укор женщине, которая сама должна быть ароматной, когда она этого хочет.

Если приоткрыть один лист человеческой памяти, то суть его можно понять за минуту, изучить и понять судьбу – за час, но чтобы представить величие природы, не хватает и не хватит веков... Муравей, – бессмысленный, глупый отщепенец своего рода, – пытающийся в одиночку переплыть реку, жалок по сравнению с армадами термитов, смело идущими сквозь лесные пожары и переплывающими любые водные преграды: они конкистадоры смысла и Торквемады разума: их идея – слушать голос инстинкта, убивающий и возрождающий жизнь на пепелище самопожертвования. Человеческий царь мчит на резвом коне, окруженный сатрапами и рабами, к своему золотому солнцу. Нищий еле идет и в спину ему упирается жесткое колено

нужды. Они рядом, но не замечают друг друга – память не оставит следов ни на богатых дворцовых коврах, ни на болотной тропинке. Конус власти не имеет вершины...

Но вот появился первый вестник пробуждения – боль, все внимание обращается к ней, к борьбе с ней – это и есть первый признак жизни. Рождаясь, человек приносит боль другому, но родился и понял – одно, а вот опять пришел в этот мир и не удивился – совсем другое. Родился и удивился лишь однажды, – а перед равнодушием бессильна даже глупость. Врач, бессмысленно глядя на бездыханного котенка, опуская в сжатом кулаке железку скальпеля, прошептал: «Я не Бог». Он ничего, не мог сделать в освещенной тысячеватными лампами операционной. «Ты – педик, – подумал Рик, – мужчина, не могущий родить, а пытавшийся вдохнуть душу в это мягкое пушистое тело». Наверное, псевдо – бог хорошо и усердно учился, отчего у него все больше блестели сзади штаны, но все – таки не загорелись, как горячая смесь в двигателе с поздним зажиганием.

Тогда стало понятно, что Бог не создавал человека – ни черным негром, ни узкоглазым монголом, и природа не могла сделать этого – не было черных и желтых обезьян; чтобы приспособиться к климату, первые должны были стать белыми и блестящими, как айсберги, чтобы отражать солнечные лучи; вторые должны были быть похожими на верблюдов. Негров с фиолетовыми ладошками, как у первоклассников, хочется потерять резиновым телом азиатов и помыть их всех в теплой воде. Но они предпочитают купаться в пене своего превосходства друг перед другом, придумывают несуществующих богов все высшего и наивысшего порядка, тайну, хоть как-то разделившую их, удаляющую от общего понятия единого для всех их предназначения. Но не прекращаются поиски людей на Марсе, а на Земле методом клонирования уже возможно бессмертие. Я – не он! Я – не мы! Это мое! Лучше. Мое! Я!

Котенок не обращает внимания на красивые глаза медсестры – она сделала ему обезболивающий укол. Нужно бы смотреть в них подольше – если бы он понимал: лучших он никогда не увидит – может, это единственное, что оправдывает его возвращение с того света, которого он не помнил; ему бы заглянуть в них, чужие глаза, и попытаться передать боль тьмы, вздох счастья и облегчение, что появилась надежда. У него не было самого ужасного свойства человека – привычки. Человек ошибается, засыпая и думая, что он обязан прогнуться. Привычка убивает способность удивляться – все остальные пороки – ее производные. Удивленных и счастливых будут давить танками и предавать, как предали Христа, чтобы тысячи лет молиться на него, хотя можно было молиться друг на друга с хлебом, вином и без чудес. Проснувшись, человек выходит из себя, просто и обычно, закрывая за собой дверь свершившегося события. Инстинкт и привычка – страшный симбиоз человеческого сознания, с ним может бороться только стремление к мечте. Это шанс сделать один шаг к своему совершенству. Богу это не нужно, только человеку дана такая возможность, тому, которому не нужен рай с исполнением примитивных желаний, а есть чувственное желание создать рай на Земле или оставить добрый след на измученной, скованной морозом жестокости дороге.

Рик был маленьким котенком, тигренком, с ярко-желтыми фонариками глаз. Долго всматривался он, подойдя к зеркалу, в свое (или чье) отражение? Пытался поймать свет, идущий оттуда, врывающийся в мозг и уничтожающий солнечного зайчика, который не мог найти выхода. Там, за лавой расплавленного кварца, ставшей зеркалом от внимательного разглядывания и близкого дыхания, нет ощущений, нет близости и понимания, туда нельзя заглянуть, исхитриться и деформировать реальность сознания, поломать алкоголем, наркотиком или принудительной медитацией. И правое становится левым!

В городе, где жил Рик, кончились времена Соловья-разбойника, который просто свистел; люди стали заселять новые пятиэтажные дома, покидая белые печки, кур и собак, забывая их как зубную боль, не догадываясь, что можно иметь просто здоровые зубы. Здесь, в квартирах, хорошо замораживал холодильник, гремел телевизор последними гимнами отцветающей венками генсеков страны. Он не знал, что город – это солидарность птичьей стаи, которая раз-

велясь над одним из таких, оставив на поле сражения, внизу, отравленных ядовитым газом солдат с навсегда удивленными глазами, устремленными в предавшее их небо. Не знал он и того, что в городе жил великий гомосексуалист, сравнивший себя с Юпитером и оскорбивший быка, которому и в голову не пришло потребовать у того сатисфакции: бык имел скотскую привычку вступать в отношения, завещанные ему природой, с любимыми коровами с прекрасными, нечеловеческими глазами, опущенными, как цветущими венками, ресницами.

Город – это Гранды, Кинги, Супер-Кровь молодых королей – голубая кровь моллюсков; и какой-то Распутин жил в таком же городе, пытаясь вылечить наследника царя от гемофилии. Город – это женщина, ищущая в глазах своего возлюбленного оправдания после сделанного аборта с еще не смытой памятью чечевичного сгустка сморщенного выкидыша.

Только поначалу трудно представить соседей, вертикально нанизанных на одной канализационной трубе вместе с унитазами, где поругаться с ними по горизонтали уже невозможно. И остается ностальгия алкоголика по празднику, когда он уже иссох и просто не может напиться, не получив разрыва печени или опухоли мозга, и пытается деревянной рукой собрать осколки хрустального новогоднего бокала, покрытого серебристой пылью памяти.

В городе не было секс-шопов, никто не предлагал интимные услуги даже по телефону, так как не было еще проводов, а дикторы, говоря о приближающемся коммунизме, не краснели по телевизору, даже если бы они тогда и были – сами верили в него. Страна перегнула Америку по потреблению жиров – производила много свиней, но самую большую свинью подsunул Хрущев той же Америке, незаметно для нее установив на Кубе новейшие ракетные установки. Когда американские спутники-шпионы сфотографировали это, то чуть не свалились с орбиты, но удержались лишь благодаря чувству юмора, в отличие от директора ЦРУ, который, услышав новость, методично обливал кетчупом не утренний омлет, а свои парадные штаны, затем побежал к президенту – предложить начать с русскими войну: «Ведь обещал Хрущев показать нам кузькину мать!». Президент, с интересом осмотрев бурые подтеки на штанах директора, усмехнулся: «Если это их кузькина мать, то представьте, любезный, сколько там у них еще матерей?»

Благодаря кетчупу или благоразумию двух президентов, но переговоры закончились мирно. Хотя один еще долго замахивался в сторону Вашингтона реликтовой кукурузой, угрожая, что не пожалеет и царицу; а другой – Москву в скором будущем завалить крылышками и окорочками и даже развратить в сауне поголовно все население, начиная с министра госбезопасности.

Первая учительница Рика по пению (а она так и осталась у него одной, к счастью итальянских маэстро) была очень красивой. Наверное, благодаря своей заячьей фамилии, которая подсознательно еще тогда ассоциировалась у мужского населения с журналом «Плейбой», часто уходила со своим очередным ухажером гулять за холмистые заросли на окраине новостроек (сейчас они напоминают негритянские гетто пятидесятых годов). Там цвела, как эвкалипт, лебеда, блестящая снаружи тяжелым, военным глянцем листьев, а изнутри – неприкасаемо влажной серебристой пылью. Там не пели, радуясь своему разноцветному оперению колибри, не косились подозрительно сороки, но зато купался в солнечной пудре земли незлопамятный воробей, одинаково приветствуя утро и вечер, жару и лютую стужу. Кое-где в укромных местах детишки играли в дочки-матери (девочки еще, видимо, знали только о непорочном зачатии), мальчишки строили из картонных ящиков домики и торговали ракушками и каменными котлетками; торговля необычными товарами в точности копировала центральный рынок в Южном Самоа, а Карл Маркс, глядя на них, мог почерпнуть что-то новое о натуральном обмене древних племен. Но хорошо, что их по телевизору не учили целоваться. А реклама, которую считают приобщением к культуре, с презрением к более древней культуре и обычаям? Азиаты всегда пользовались кумганом, а гостиницу «Россия» в Москве только вчера обору-

довали французскими биде, о назначении которого догадываются не все высокопоставленные клиенты (принимают его за душ «Шарко»).

Каждую секунду на улицах городка, чопорного, завистливого и усердно строящегося, затягивались ямочки ушедшего, формировалась поверхность будущего. По окраинам, в плантациях конопли, бегали голые потные пацанята. К их отчаянным и буйным телам быстро прилипала пыльца, которую они скатывали, натирая друг друга ладошками, как усердные банщики патрициев в римских термах. Папиросы с «планом» курили прямо в центре города, демонстративно и вызывающе спрашивали друг у друга: «Ну как план у товарища Жукова?». Статьи о наркотиках еще не было, поэтому это дело было не более опасным, чем прием таблеток «Аспирин-Упса», хотя и в том, и в этом необходимо сомневаться и даже отвергать. Взрослые могли надрать уши, но не оборвать же...

В квартирах по утрам мужчины спешно брились, снимая вместе с остатками сна и щетину, единственно и неоспоримо принадлежавшую им, – она и после смерти хозяина своим появлением призывает его к жизни. Во время этого священнодействия только глупая жена нежно погладит его сзади, а любящая может и поцеловать его туда же, и только умная деловито освежит его щеки одеколоном «Шипр», что одновременно предохраняет от моли и прилипчивых женщин в автобусе и хорошо сказывается на семейном бюджете и здоровье.

Желтый, еще без полосок Рик уже знал, что такое красота – это соседка Нина в новых лаковых туфельках и накрахмаленном, пахнущем огурцом и первым снегом переднике десятиклассницы. Утром она простучала мимо него каблучками, спугнула в нем зверя, сделала из него имбецила и оглушила: «Привет, малыш!». Так в день Победы, приветствуя солдат, генерал кричит в еще не включенный микрофон. Малыш не смог ничего ответить и смотрел ей вслед прослезившимися глазами тигренка, как будто ему железной щеткой причесали еще не выросшие усы... Она удалялась и расплывалась и все равно осталась и не уходила – просто вошла в него...

Два дня лил дождь, лохматый и хороший, потому что все прятались дома. Город напоминал большую грязную пивную, где уборщица начала мыть полы и для первого раза прошлась хорошо смоченной тряпкой по проходам между столиками, разбросав по углам жидкие волны грязи, пустые бутылки из-под водки и приклеив окурки и рыбью чешую к ножкам стульев, разлинив помещение на квадраты, будто здесь собираются играть большие шахматисты. Действительно, здесь собирались и большие, и классики, и знатоки и дух их витал так неистребимо, что никакие проветривания и дезинфекция хлоркой не приносили эффекта. Работники санэпидемстанции, народного контроля и борцы за трезвость, опечалившись, тоже «принимали на грудь» одну-две кружки от щедрот усатого «пивщика», отлично знавшего, что если даже снести пивнушку, сровнять ее с землей и поставить на этом месте платный туалет, то дух поколения, не знавшего, что такое «халява» и не видевшего нищих на улицах, еще долго будет реять над этим местом – надежно и неснимаемо, в укор всем лозунгам о пользе учения и памятнику Ленину на главной площади города...

Все эти дни, не видя Нину, Рик мучался. Внутри него шевелился черно-белый ежик, тряпочный и безумный. Он полз, оставляя себе слабый теплый шлейф надежды, но только стоило вспомнить что-нибудь, что касалось... что было ею, как он растопыривал ослепительно бледные от злости иголки и пронизывал ими насквозь – так ночь пробивает себе путь к солнцу, а его все нет и нет... Наконец, оно появилось – солнце. Рик вышел за калитку, было ли это утро, он еще не знал... На углу стоял Борисенок и смачно, как ворованным яблоком, хрустел большой синей луковицей. К сожалению своей попечительницы бабки Куны, он не грыз с таким же успехом гранит науки, зато его зубы всегда белели клавишами пианино, на котором играют только в перчатках. Пожалуй, еще только белки его глаз выделялись на смуглом лице адыгейца, а тело взрослого охотника-алеута было явной насмешкой над силой разума. Он всегда был рад видеть друзей; так за него радовалась жизнь. «Здравствуй, Рик», – вскричал он, как будто уви-

дел должника, и довольно протянул ему руку, даже не подумав обтереть ее об штанину. «Что, завтракаешь или лен– чуешь?» – спросил Рик. Засверкало улыбкой всегда черное от загара, плотное, как фартук мастера-кузнеца, лицо. Борисенок наклонился к Рику и, словно вручал другу целую буханку хлеба на сохранение, доверительно сообщил: «Ты слышал новость? Нина отравилась». Тот оттолкнулся от земли и влетел во двор, где жила десятиклассница. Во дворе шла разметенная, молчаливая, покрытая черными треугольниками платков жизнь!

Его никто не видел, и он был слишком мал, чтобы увидеть сквозь лошадиные спины сгорбленных мужиков и пахнувшие гниющей шерстью кофты старух, сквозь безличные иконы варварского мира – ее. Она была уже выше их и осталась с ним навсегда, озаренная и всегда над, и просила его быть таким. Рик прошел в комнату, на столе стояла маленькая фотография в черной рамке, он схватил ее, выскочил из комнаты, побежал... В сарае дружка было сумрачно, скрытно, тихо. Рик прижимал фотографию к себе, под рубашку; он всегда с тех пор прятал ее, но никогда не смотрел на нее, и поэтому она осталась в нем живая до тех пор, пока он сам был жив.

Небо все плотнее падало сквозь дырявую крышу сарая, земля все ниже опускалась, боясь за человечка, и так они все вместе уходили ниже и ниже... пока рука Борисенка не остановила это движение; он стоял, переминался с ноги на ногу и заикался: «Че ты?... Ну че ты? Ты знаешь, мне как жалко, она меня печеньем угощала... а я еще у нее булавку украл, хотел крючок сделать... вот, – встретил взгляд друга, – помнишь, мы на рыбалку собирались, помнишь?..» Тяжко проглотил молчание: «Зато сегодня, после кладбища, всех будут угощать, и даже конфеты будут; если не пойдешь, я все сюда принесу....» Тут булавка, воткнутая ему в ягодицу, придавала говорившему такое ускорение, при котором невозможно сразу определить, в какую сторону бежишь; визг его напоминал возмущение поросенка, которому во время купания в луже ливанули ведро крутого кипятка для большего комфорта.

Сколько времени прошло... Борисенок забежал в сарай с лопатой наперевес, явно не для того, чтобы искать там клад скифской царевны, дрожал как рысак, отгоняющий злого овода. Рик медленно поднял руки вверх, но не сводил глаз с заскочившего. Лопата с грохотом полетела в угол. Некоторое время они изучали ранку и после долгих препираний пришли к выводу, что приклеенный собственной слюной лист крапивы надежнее всего избавит от заражения. «Раненый» недовольно ворчал, как лунатик, упавший не с крыши, а с ночного горшка: «Вот ты дурной, Рик, а если бы в сердце попал!?!». Сам он никогда не подозревал, есть ли оно... вообще бывает, конечно, слышал; он был десантом на этой земле – природа штопором вонзила в него до упора всю свою силу – он был ноль. Ноль жажды жизни – ни отнять, ни прибавить нельзя, ни разделить, ни умножить. Такие просто необходимы в жизни для оправдания своего бессмыслия.

Черная ранка стянулась без усилия воли и осталась застывшей искоркой в памяти крошечного сжатого звездного неба. Траурная лента была сорвана с фотографии и, видя серебрящие ее пальцы, можно было не сомневаться, что они представляют орудие, готовое сжаться безжалостнее, чем испанская гаротта.

Рик опустил голову на колени и спросил недавно ужаленного им: «Как же так, как случилось?». «Ее бросил жених, когда она забеременела». «Но надо отомстить!» – Рик вскочил. Борисенок, несмотря на свое смешное ранение, был странно серьезен и даже не шевелился, но подумал и ответил: «Я спрашивал – не говорят, кто». «Значит, правильно, что ее уже никогда не будет?». Друг грустно отвечал: «Надо кого-то спросить», – понимая, что спросить ему некого: он был сирота; с тоской посмотрел во двор сквозь дверную щель; там его бабка (а может, не его) подходила к сараю, как будто шла по земле, отталкиваясь от нее и руками, и ногами; размахнувшись, она закинула на его крышу очередную порцию бараньей просоленной туши для вяления, не прикрыв ее при этом даже марлей от мух – не успеют!

Рик плохо учился; утешением может служить лишь то, что он хотел познавать, а это очень большая разница. Познать ненужное можно от хорошего человека. Он не любил школу, дисциплину и команды, но стремился к тому, что знают учителя, удивлялся, зачем они это знают, особенно, если это им не нужно. Зачем учиться математике, если не станешь знать больше Лобачевского, или физике, если известна уже скорость света. Этой ночью он думал об этом и не мог заснуть. Кто такие древние авторитеты, неужели ржавчина не разъест их формулы и изречения, может, нужен Герострат, чтобы сжигать уже бывшее, может, нужно лениться, а не работать; ведь только ленивый мог придумать колесо – ему было лень толкать камень, и он сделал его круглым – мир счастлив – и это все? ,

Если идти неправильным путем, то все равно это путь – тоже достойный: истина в пути. А если говорить все время неправду, может быть, родится зеркало? Разве великие те, кто стоит на пьедесталах, нет, не ученые – полководцы, загубившие тысячи душ? Кто такой царь и вся эта свита – высший свет? По сравнению с ними мусоросжигательный завод кажется благотворным заведением.

Природа спасла Землю от марсиан – теперь придумала СПИД, чтобы уничтожить человека. Религия боролась против науки, сожгла Джордано Бруно – теперь он святой. Алхимики были настоящими учеными. Скоро наука признает существование Бога. Что же Бог? Добрый дедушка на карамельных облаках? Твоим именем прикрываются, строят храмы нищим на их последние копейки. В наказание ссылают в монастырь, где легче с тобой общаться вдалеке от мирской алчности и суеты. Салмана Рушди приговорили к смерти за оскорбление Аллаха. Кто Его может оскорбить или защитить? Червяки! Нет, не идут к Тебе по указанному пути, Всевышний. Не надевают на голову терновые венцы, а коронуют себя и возводят себе великие усыпальницы, устрашая других даже после смерти; не идут к Тебе в вечность, а хотят остаться вечными здесь, нет, не боятся Твоего наказания.

Кому нужны горы изумрудов, горы золота в раю Будды? Пытаются сжать время – оно выплеснет только всасывающую точку черной дыры! Закон настоящей веры должен отрицать оружие, сделать на него табу – и тогда наступит мир. Так просто, что этого не хотят понимать. Опять думал Рик и сам не мог ничего... В его комнату заглянула луна. Все предметы стали чудовищно увеличиваться с бессмысленной скоростью, а он уменьшался с такой же скоростью, – даже писк не мог вырваться из его горла, становился меньше мозг, являвший собой полусферу звездного неба. Вдруг все стало раскручиваться в обратном порядке и даже Земля стала для него тем, чем он был до этого, а он был разрастающейся Вселенной, без шепота, без чего-либо живого вокруг – немой спиральный круг без вырвавшегося из него крика рождения, и без последней молитвы, покидающего этот мир уже раздавленного старостью немощного тела.

Так начинается детская температура; первое непризнание ко всему, что мы знаем в этом мире, придуманном гениями и апостолами, святыми и атеистами со всей этой философией, пожирающей свой хвост. Лишь борьба красных телец крови с нахлынувшими врагами является единственным подвигом, вызовом, героической работой, не требующей медалей, посмертных наград за чьи-то ошибки и признательности. Александр Матросов – герой: он пожалел товарищей, гибнущих под огнем. Но он никогда не стал бы генералом – он не смог бы послать их на смерть. Это жертва. В руководстве нет таких, их убивают раньше!

Солнце встало! Да... Да... Утро наступило, солнце испугалось, что опоздает на работу, – теряя косынки протуберанцев на уже теплую постель ночи, стало протягивать лучи рассвета сквозь штаны облаков.

Маленький котенок еще только вступал в пору зрелости и, как многие его сверстники, мечтал о скорейшем прорастании волосяного покрова. Строил догадки, как это будет влиять на его отношения с девочками. Если бы он спросил об этом у лысых мужчин... Сам он был еще такого маленького роста, что с трудом мог бы дотянуться до груди самой маленькой из

одноклассниц. Желание дотронуться было также неодолимо, как и подержаться за руль велосипеда. (На старости подобное происходит с нумизматами, увидевшими редкую монету).

От городского стадиона до озер много аллеек и дорожек, по которым совершают пробежки спортсмены. Уличная команда прекрасно знала эти места, и вот в один летний день Рик решил на «пальпирование». Сопровождающие его, не желая быть соучастниками, спрятались в кустах, но стремясь увидеть акт возмужания или низвержения естествоиспытателя, просовывали головы сквозь заросли; от наблюдения их не смог бы отвлечь даже медведь, лизнувший кому-нибудь из них голую пятку. План был прост: набрать скорость с видом, что за кем-то гонишься, облапить спортсменку, и сделав финт, скрыться. Прилипшая рука могла означать ее потерю, а если вдруг споткнуться, то можно было познакомиться и с более жесткими частями женского тела. Здесь чисто из эстетических соображений не говорится о возможности примитивного скальпирования. С детства все хорошо с этим знакомы, в отличие от авторов увлекательных романов об индейцах, которые получают приличное воспитание в зажиточных семьях и видят диких индейцев исключительно в музее мадам Тюссо. В парке гуляют пенсионеры и влюбленные парочки, но главное – возвращаются с тренировок спортсменки – вариант рискованный, но надежный. Они всегда легко одеты, самоуверенны, больше увлечены своими рекордами, чем рассматриванием природы. Им даже интереснее, что за фигура с биноклем появилась на трибуне, чем пробегающая под ногами белка. Показались вскоре на аллее две кандидатки в белых спортивных майках – цвет капитуляции и халатов медсестер – он всегда подзадоривает таких, как Рик, и хоть этим отличает их от быков. Надо было решать – сейчас или никогда промчаться мимо них, или навсегда остаться на месте.

Малыш летел, как майский ветер сквозь цветущие кроны деревьев; сбрасывая с себя последние лепестки стыда, достиг обеих, прикоснулся и продолжил свой дриблинг. «Ух ты! Какие таланты пропадают», – раздался удивленный возглас, как бы приглашая еще раз повторить манипуляцию. На самом деле они профессионально оценили бесполезность своего запоздалого старта. А подходящего ядра или диска в руках не : казалось. Неожиданность – самая большая форма в любом деле. О! Как бы они отдубасили этого зайца! Придя домой, девочки вымешали злость на своих тренировочных шерстяных носках, стирая их и роняя капельки пота в белоснежную деду шампуня для женщин.

Рик не клюнул на приглашение повторить инсинуацию, пронесся сквозь парк, ломая сухостой, как лось, который мчится на зов самки. Он сделал рискованный круг цирковых мотоциклистов и вернулся к пацанам, сидевшим в засаде. Здесь он был единогласно признан главным ловеласом улицы и знатоком дамских тайн; после такого триумфа женихающиеся парни не брезговали советовать с ним на предмет, какие духи лучше подарить и кому, чтобы обеспечить успех...

У Нины была сестра Надя. Рик потянулся к ней... Цветок, растущий в тени красивого дерева, после того, как его уже не стало, должен продолжать расти ввысь, иначе он станет кривым. Непонятное желание – ледяной луч света, но он крепче, чем нить самого желания, а исполненное, оно разрезается ножом привычки. С Надей они иногда разговаривали, (когда еще можно говорить о вечном?), они как дилетанты рассуждали о красоте; только Бог может любить разваленное на части тело человека – будь то результат трагедии или безжалостность времени. «Какой ты самовлюбленный», – сказала как-то Надя Рик, и он не знал, хорошо ли это или плохо. Может быть, она это сказала не задумываясь. Женщине вообще не обязательно думать – стоит только облечь умную мысль в форму, и она тут же станет глупой женщиной.

Так художник-маринист рисует гениальную картину, лежа в ванной; эксперты и знатоки будут говорить, что она глубокая и объемная. Женщине все равно – художник или маринист; и в ванной можно не раздеваться, но талант должен быть присущ! Женщина чутка, поэтому ей не рекомендуется работать в милиции; хорошо, если она видит только правила и уставы, букву закона – не надо, чтобы лица, движения, действия – она лакмусовая бумажка таланта, а

талант многогранен. Душа не всегда может наполняться попутным ветром справедливости и закона. Только бесстрашные могут плыть под этими парусами, но в правовом государстве их много за решеткой, а при анархии их не осталось бы совсем (за ненадобностью) – подводного течения им!

Надя была баскетболисткой и скороспелые апельсиновые ее мячи заставляли даже стариков сожалеюще-уважительно относиться к оранжево-упругой девочке. Однажды вечером она пробежала по улице и скрылась в доме, успев крикнуть стоявшим на углу своим ребятам: «Кто мне приставали!» Приставшего к ней могло сдуть ветром, поэтому все отправились к месту предполагаемой трагедии без особого энтузиазма. В конце улицы был обнаружен такой жалкий мужичонка, что разбираться с ним было равносильно мародерству. Ширитов, как старший, спросил его: «Это ты приставал к девочке?». Но тот был так пьян, что если бы его самого к стенке приставили и щелкнули перед ухом затвором, он бы не заметил. Однако, что-то еще соображая, отвечал с перекурком: «Я шел, она шла, меня немного качнуло в ее сторону... и я потерял шляпу... и память... и домой не смогу дойти... если только не довезут...». Его повели прямо к дому. Борисенок залез к нему в карман и вытащил три рубля – сумма! Ширитов, как самый длинный, а значит, и главный, брезгливо бросил: «Что, за доставку берешь?» Борисенок не был таксистом, поэтому положил деньги обратно, – будучи взрослым, он мог бы оправдаться – перед детьми. Но инцидент был исчерпан, и на обратном пути долго весело обсуждали паникершу. У страха не глаза велики, а большая фантазия и быстрые ноги; ударом бедра такая тренированная пампушка могла кого угодно загнать в угол не хуже, чем профессиональный бильярдист «чужой» шар в лузу – не приставайте к таким на мосту.

Молодость лучше понимает прекрасное, потому что еще не столкнулась с пороками, скрытыми лакированной памятью прошлого. Опыт – ужаснейшее бремя человеческого общения. Только на ощупь юность убеждается в том, что великий разум старости поставил непреодолимый барьер из циничности и расчета на пути к всеобщей первой любви. И великий Дао подтвердит это.

Надя дала Рiku послушать пластинку – «Скальдов» – он ее прокрутил и полчаса ходил по двору, как жадный купец в пещере с сокровищами, забывший слово, открывающее выход: это было блуждание оглушенной запахами собаки-ищейки по ослепительно-белым цехам парфюмерной фабрики. Биллы сделали новый мир музыки, остальное – синтез, насколько еще можно изоциряться в технике слуховых галлюцинаций? После такой музыки котенка Рика осталось только поцеловать, чтобы навсегда лишить его возможности ходить по прямой...

Надя вышла замуж; таким всегда надо рано выходить замуж – пока они еще бросают мячи в корзину, а не окурки в пепельницу; подобные сразу перестают быть возжеленными для остальных, но зато дома окружены детьми, а потом – внуками, как щедрый подсолнух – желтыми лепестками; готовят вкусные, пышные оладки и блины, такие же, как и они сами; руки у них, пухлые с ямочками, пахнут медом и ванилью; они наседки, центр семьи (по гороскопу, а может, и гороскопа такого нет, а они есть, всегда!).

Через год ее молодой муж, два его приятеля и две их работницы, возвращаясь с работы, решили заранее отметить майский праздник. Застолье проходило как обычно. Но у некоторых бывает обостренное чувство к самым простым половым тряпкам, они сами бывают швабрами. Молодожен умер, сидя в кресле; так его утром и нашли – кто-то ударил шилом не промахнувшись – в сердце. Наверное, он еще видел, как они уходили, рассовывая по карманам недопитые бутылки и надкусанные огурцы и изумленно смотрел на извивающиеся в табачном дыму причудливые фигуры, не веря простоте свершившегося...

Даже открытие публичных домов не предотвращает от дворцовых переворотов. Это у жалости нет выбора, ей все равно – кто. Про любовь просто пишут в солдатских записных книжках. В армию вообще нужно призывать после сорока лет – вот это будет результат! И записи тогда будут другие. А сейчас – «Любовь – это...» почитайте, вспомните и поймете, кому

можно доверить автомат, а дальше по рангам – кто достоин сидеть на ядерной кнопке. Здесь все ясно и четко расписано: это солдафоны, они спят на спине, и утром казарма напоминает палаточный городок, несмотря на то, что повар подсыпает в котлы с кашей порошок, похожий на dust. Рику далеко до армии, как салаге – до «дембеля», но он уже записал себе на память: «Армия – это долг чести, если о ней ничего не знаешь...»

Милое щенячье и поросячье детство; с любопытством принюхивается к возможности продолжения рода, краснея и конфузясь от неудачных попыток, а от удачных испытывает омерзение, и чем выше интеллект, – тем труднее отмыться от несовершенного «греха».

Кличка Инженер дается не обязательно за построенное здание, начисто лишенное фасада; оно может приклеиться за изобретение, которое начинает действовать, когда учитель открывает дверь и неожиданно получает удар шваброй по голове, имитирующий ласковый подзатыльник собственной бабушки. Если учителя вдруг заменит на уроке директор школы, в этом случае можно получить внеочередное звание, например, Кулибин. Но таких высот технических знаний редко кто достигает даже в лицее. Инженер Василий влюбился в одноклассницу Наташу, худенькую девочку, глядя на которую, легко представить повешенную сушиться ночную рубашку, внезапно намоченную хлынувшим ливнем. Обычная история сантехника музыкального театра, получившего признательность грациозной пианистки за починенную им грушу в общественном туалете и до глубины души этим тронутого.

Друг Василия – Витек – учился в школе еще хуже, если это можно представить, но все равно никак не мог претендовать на какое-нибудь серьезное прозвище: он обычно подкладывал кнопки на сиденья парт (Но это не всегда приносило ожидаемый результат – особенно зимой – все равно, что пытаться проколоть пальцем танковый каток); мог еще распивать вино через соломинку, просунутую в щель парты, или незаметно покурить на уроке химии. Поэтому ничего нового не придумал и деградировал как изобретатель. Но все-таки ему удалось получить кличку Зуб: однажды он обклеил стол учителя жвачкой, тот, естественно, приклеился, ерзая животом по краю стола, затем резко хотел встать, но по законам физики (наверное, это был закон рычага), перегнулся и ударился о чернильницу, причем выбил себе зуб. История вскоре забылась – учитель принес новую чернильницу, но пригрозил: «Вот ничего, скоро начнете изучать политэкономия и тогда посмотрим, у кого там дамочков меч висит». Это было действительно что-то страшное – пацаны бросили курить, а девочки перешли на сигареты с фильтром.

Инженер прежде чем серьезно объясниться с Наташей, как и всякий порядочный человек, носящий такое звание, решил проверить себя. Для этого действия подходила известная на весь район Любаша (вообще в каждой школе была такая ученица, но не более). Любаша – второгодница; по виду более похожая на продавщицу мороженого или толкательницу ядра, она заглядывала в зеркало чаще, чем в учебник, и в нем она, конечно, видела только себя и только придворной фавориткой. Инженер и Зуб договорились с ней о встрече в шалаше за школой и обещали никому не говорить (что приравнивалось к письменному признанию в любви). Однажды вечером они причесались и погладили брюки; знакомым говорили, что собираются проведать тетушку Василия, которая в больнице и находится в интересном положении. Через час весь район знал, в каком положении они скоро сами будут. Оба пришли поздно, получили что полагается от родителей и утром пошли в школу.

Странно: Инженер постоянно списывал у своей соседки Наташи без зазрения совести и в знак благодарности мог по-дружески дернуть ее за косу, теперь же не мог смотреть в ее сторону и только краснел и икал. Вообще они с Витьком теперь отдалялись от ребят, стояли в стороне и молча плевались. Зуб при виде нижнего белья, развешенного для сушки, покрывался рябью и вздрагивал, как ящерица в момент отбрасывания хвоста.

Долгое время они шушукались и вынашивали план мести. «Я убью ее!» – злобно хрипел один другому в ухо. «Я ее тоже не люблю», – поддерживал другой, не любивший Наташу, и ему

было легче так говорить. Инженер предложил: «Мы скажем ей, что нам понравилось, и еще раз пойдём туда». «Зачем?» – не понимал Витя. «Давай просто побьем ее». «Примитивно», – отвечал друг. «Когда будет дождь, мы ее разденем, возьмем кнут и будем гонять вокруг школы». «А, понял», – отвечал Зуб, хотя знаний в коневодстве у него хватало лишь настолько, чтобы отличить хвост лошади от головы. Кнут был украден у объездчика Шаканукова с большим риском для их, не ждущих засолки задниц. Охранник не был олимпийским чемпионом по стрельбе, но когда разгонял воришек (обычно учеников, покушавшихся на клубнику или черешню), стрелял и попадал именно в то место, которое даже после суточного отмачивания в проточной воде, заставляет думать головой и, уважая старших, разговаривать с ними только стоя.

Дождя все не было, и все больше горячился Витек, придумывая новые изощренные пытки. Видимо, он хотел получить новую кличку, по сравнению с которой, первая показалась бы выпавшим зубом дряхлой старухи. Его друг сгорал в пламени любви и измены, а он лишь помахивал шляпой над костром. Инженер по наивности не подозревал, что за негодованием Зуба скрывалась надежда, что перед самой расправой выглянет солнце. Это они так мечтали. А Люба повзрослела в двенадцать лет после близости с шизофреником Шуриком, грузчиком магазина, и сама была немного помешанной после этого – менингит загадочным образом для профессоров-гинекологов и психотерапевтов передался половым путем. Впрочем, ее недостаток выражался в ее задумчивости и добродушии. Такой может стать и взрослая женщина, если в лесу встретит одинокого мужчину.

Ни дождя, ни ливня, ни града не было, благо, весна была солнечной. Любаша беспечно развлекалась со всей «Мировской братвой». Они покупали ей вкладчину бутылку «Осеннего сада» (Слезы Мичурина), забивали ей добрый «косяк», и целыми днями она валялась в шалаше за школой, привлекая голыми икрами учеников, возвращающихся с уроков. Таких куртизанок отлавливала милиция, лишала их кудрей и отправляла, к их сожалению, только за пределы города. Любаша, окруженная ореолом славы и тайны, вскоре исчезла из поля зрения обывателей. К этому приложила руку и ее мать, уставшая кричать парням, собиравшимся под балконом: «Убирайтесь, кобели поганые», – так сильно, что настоящие кобели разбежались из дворов в радиусе километра, рискуя попасть в сачок собаколова, а дальше – и на мыло.

Слава Любы угасала с появлением скромных профессионалок, не афишировавших свои возможности. Ватаги ребят теперь реже собирались на углах, чаще можно было видеть одиночек в начищенных туфлях и пахнущих одеколоном, спешащих на свидания. Забылись проделки с Любой – кануть в прошлое можно и с дурной славой. Проститутка – это работа, но нельзя купить того, чего уже нет. Шлюха не торгует собой – вами – это грязная переводная картинка, пытающаяся наклеиться на вашу душу и посмотреть затем на себя в зеркало.

У тигренка нет хобота, он не ел веток, трава была ему противна, и поэтому он не был таким большим, как слон, он даже меньше пони вообще. А если бы он был жирафом? Как удобно было бы наблюдать не только за учительницей пения, но и за парочками, гуляющими вечером в парке. Инициатором тайной слежки за отдыхающими был всегда Борисенок – его голос ломался, грубел и отличался от голосов сверстников, как карканье вороны – от трели соловья. По пению у него не было даже двоек. Видимо, поэтому он любил делать пакости влюбленным парочкам, которые любили слушать пение птиц в самых укромных уголках парка.

Чтобы завести девушку в такое место, нужно обладать красноречием Цицерона, взглядом тонущей лягушки и знать местность, как крот – свои подземные катакомбы. Мужчина, знакомый с природоведением, для начала объяснял девушке происхождение декоративных видов деревьев, завезенных сюда со всего света. Их практический пересчет позволил бы влюбленным на середине перечня отпраздновать здесь свою серебряную свадьбу. Эти представители флоры давали обширную тему для разговора даже приезжему чабану из казахских степей, с трудом понимающего, о чем вообще можно говорить среди такого количества естественных беседок.

Но опытные аграрии и скотоводы всегда были ближе к земле, чем поэты. Они со своими спутницами начинали с изучения вечернего неба в лапах покрасневшего заката, переходили на отдельные виды можжевельника индийского, а затем – и ромашки обыкновенной. Женщины, пораженные силой природы, от слабости теряли сумочки, а мужчина в подтверждение своей страсти закрывал на это глаза и не пытался отыскать ее, подчеркивая этим и свое благородство, и пренебрежение к материальным ценностям...

Вот в этот момент и появлялся Борисенок с липучей травой на голове, напоминавшей терновый венец самого Христа, с его руки свисал найденный где-то порванный резиновый мяч – память распираемой изнутри материи. Делая вид, что не замечает уединившихся, он махал залегшим неподалеку остальным наблюдателям: «Нашел!». И махал потерявшим объем резиновым флагом, напоминая первого солдата на крепостной стене, приглашающего всех штурмующих к повальному фетишизму. Затем кричал: «Давайте быстрее, еще успеем на вторую серию «Вечеров на хуторе близ Диканьки!»». Влюбленным трудно было сообразить, что второй серии у этого фильма пока нет, и они, надеясь, что остались незамеченными, пытались плотнее вжаться друг в друга – напуганный громом страус не мог бы и мечтать о соперничестве с ними.

Гурьбою все чинно проходили мимо, делая вид, что не замечают притихших и затаившихся. Нехорошо, если вы обратите в ту сторону взгляд, это может закончиться натягиванием зрительного органа на попку. Проэкспериментируйте на животных – тогда поймете, и учитывайте, что животное приручено человеком. И все же, отойдя на порядочное расстояние, кто-нибудь громко говорил: «А она красивая, а он, конь, плащ боится испачкать...»

Утром деревья шелестели листьями, поверяя тайны прошедшей ночи. На скромных и мудрых стволах в капельках росы белели таблички «Дуб стойкий» (Кения), «Черешня разлапистая» (Китай), которые могли рассказать о крепости отношений пребывавших здесь, и это было целомудреннее, чем вникать в смысл заголовков из порванных газет, разбросанных тут и там, думая о тех же отношениях. Расшифровкой этого, наверное, и занимаются чопорные старушки, совершающие здесь утренний моцион. Они, видимо, пьют много кофе и благодарят Бальзака, тоже большого любителя кофе. Он сделал женщин нестареющими: разделив их сознательный период жизни ровно наполовину, к которой можно страстно стремиться, начиная от рождения и до самой смерти. Хвала любителям природы, пьющим кофе и читающим Бальзака!

Удовлетворять любопытство можно, заглядывая в раздевалки и душевые. В бани не рекомендуется до исполнения совершеннолетия – там горячая атмосфера, и размытая паром фантазия может нанести не солнечный, но вполне ощутимый удар пахучим веником в лучшем случае; в худшем – тазиком, благоухающим мылом «Махарани», что впоследствии ослабляет влечение неокрепшего организма к женскому полу вообще. Но нет в мире более высоких ценителей прекрасного, чем малышня: образы фей, попавших в кадр детства, остаются молодыми навсегда и не стареют в памяти, облепленной чудным видением. Что по сравнению с этим восторг и переживания археолога, разглядывающего череп Нефертити! Это вам не окна мыть в спортивном трико! Это вам не два часа бриться! Это надежда случайного попутчика в дороге, вспышка окна в вагоне поезда дальнего следования, стремление собственного «Я» через ноль времени к «Мы». На границе здравого смысла часовые стоят с одной стороны. Не многие женщины знают об этом и с волнением надевают на лицо вечернюю маску (то бишь макияж).

Бассейн с вливающимися сюда курортниками и вытекающими отсюда последствиями всегда привлекал ребят, а платный вход и ограда лишь подстегивали желание, и всегда обеспечивалось наличие дыр в заборе и бюджете. Путь к нему (бассейну) лежит через озеро, по берегам которого принимают солнечные ванны камуфляжные толстые бабки в утепленных ядовито-зеленых рейтузах для соблюдения нравственности. Они рьяно обсуждают девушек в бикини и парней с волосатой грудью без маек. Узкотерапевтическая старость не может найти оправдание молодости. Поэтому, пробираясь по берегу озера, кто-то из друзей Рика совсем

не случайно наступил на подозрительную колыхающуюся кочку – она оказалась окопавшейся за кустом бабкой, которая с недовольным хрюканьем вскоре приобрела естественный вид, и глаза ее, наконец, перестали напоминать военно-полевой бинокль. Сопровождаемые ее ласковыми пожеланиями, Рик и К0 добрались наконец до бассейна и направились в душевую. Недавно сколоченная, она пахла скипидаром сосновых досок, которые под лучами солнца пускали янтарные слезинки смолы, но постоянно омываемая водой, не приклеила еще ни одну, похожую на обеденный кисель в санатории, задницу отдыхающего.

Здесь стоял дух чужого пота и еловых шишек. Обследовать место пребывания нужно всегда – можно найти рубль или булавку (нужно надеяться – намного безопаснее, чем копаться в чужих карманах – руки могут оказаться коротки, а карманы глубоки). Жадность и зависть – второй порок после привычки, а равнодушие по сравнению с ними – обычный нож гильотины, на который можно смотреть, а можно и отвернуться. Юность, если находит, всегда поделится чужим – в ней всегда горит огонь революций. Лазейку нашел Ширитов – вечный демагог и женоненавистник. Если знакомая девушка с кем-нибудь поговорила, у него сразу находилась порочащая ее информация. Удивительно, что позднее он женился. Многие, обладая меньшей информацией, не женятся. Это или брезгливость, или страх насмешек за спиной. Многие получают настоящие удары и безразлично ходят с кинжалами в спине, как новогодние ежики. Целомудрие – не противозачаточное средство. Женщин не надо открывать – поверьте себе и пользуйтесь одеколоном.

Душевую разделяют доски на мужскую и женскую половины (доски, положенные горизонтально, могут их соединить). В одной из них обнаружился сучок, который легко вынул, образовав отличный смотровой глазок, как раз на уровне детских глаз (а у детей глаза всегда на уровне). С величайшей осторожностью обезьян, подкрадывающихся к удаву, чтобы его пощекотать, любопытные пацаны прикинули к открытому каналу сообщений с другим миром. До боли стало завидно муравью. Стесняясь показать друг перед другом интерес, пацаны молча толкались и боролись за одноглазое место. Возня напоминала схватку регбистов за не брошенный еще под ноги мяч. Декорации могут быть разные, но так будет всегда. Кто и что там увидел – неизвестно, но подглядывать за теми, кто подглядывает, – стоит дороже, это точно.

Под струями душа двигались убийственно-оглушающие формы, но никто и не думал вызывать скорую помощь – там такие же, только одетые, а значит, и строгие, и вредные. За грубо отесанными досками плавали и порхали два треугольника – золотистый и черный, едва различимые сквозь водяную завесу, они соперничали друг с другом в красоте, напрашиваясь на аплодисменты. Затем оттуда в отверстие просунулся палец, обычный палец, мягкий, как несваренная сосиска, со сломанным ногтем и белой чайкой на его розовой поверхности, палец взрослой женщины – и атас! – сделал несколько гибательных движений, словно хозяйка подзывала свою собачонку к ужину, к ноге, мол, и жди косточку! В мужской половине стало тихо, будто там разорвалась вакуумная бомба. За перегородкой послышался шепот, затем смешок, прыск...

Куча мала толкалась у двери, не помещаясь в нее целиком и, подгоняемая неизвестным злобным дрессировщиком, забилась, дрожа в дальний угол за бассейном, сжалась, как пороховые газы от выстрела в упор, – остались глаза, направленные в сторону раздевалки в ожидании последнего смертельного номера. Вскоре дверь распахнулась и оттуда вышли две симпатичные женщины в халатах и шлепанцах, весело переговариваясь, они прошли к своим лежачкам и томно развалились под зонтиками. Ширитов первый членистоногого потянулся, Борисенок и Рик тоже встали, и остальные очухались, – теперь они уже могли идти домой, и по пути долго обсуждали: как так могло случиться, что обе они брюнетки. Это остается тайной до сих пор.

Жажда открытия и страх неизвестного – вот два полюса жизни.

За священником идут покорители.

Чужая кровь – необходимый элемент
мерцания грязных душ.
Поток воды рождает песню
под знойным солнцем пустыни -
В ледяной воде трудно петь.

Песня – это пыль выжженных дорог, пройденных босиком, и сердце, просвечивающее сквозь лохмотья бродяги. Толик был «Гитлер», они были похожи, только у одного были усы, у другого их не было. Зато у уличного был свой сарай, ему его подарил отец; хоть и ветхий, но ценный подарок отца сыну – единственный жест милиционера, не нуждающийся в адвокате. Привязать к себе сына можно и мотоциклом, а цепью – только к собачьей будке. «Гитлер» любил возиться в своем логове, мастерил там приемники и велосипеды, допоздна колдовал над схемами и диодами, заставляя невидимые нейтроны бесплатно бегать по проводам, своими действиями он напоминал Чумака или Кашпировского – те были иллюзионистами и якобы удаляли опухоли, а Толик однажды удалил питание от магазина, и приехавшая опергруппа чуть самого его надолго не удалила; спасла принадлежность его отца к «касте» – его простили. Видимо, разочаровавшись в опытах с электричеством, он стал пить вино, оно медленно, но с неизбежностью прихода зимы, красило его худеющее лицо в насыщенный цвет тумбочки из черного дерева, придавая ему дополнительное сходство с настоящим Шикльгубером, считавшимся великим палачом, но в итоге убившим себя. А сколько лично он убил? А кто убивал? История – патина, треснувшая на обнаженном зеркале души. Толик лишь однажды проявил к девочке заинтересованность; решил, наконец, оправдаться перед обществом – не каждому даются такие изысканные триумфальные клички. Шел дождь, она шла по улице и думала о том, что опять ей влетит от мамы за мокрые босоножки. Неужели не придет время, когда она сама себе будет покупать все, что ей захочется? Зонт не спрятал ее от дождя, и платье прилипло к телу, не давая возможности кокетливо его отдернуть. На груди четко обрисовалась кнопочка, неизвестная даже ушлому любителю погонять нейтроны, он и нажал на эту кнопочку и чуть отстранился, подозревая, что оттуда что-то может выскочить вроде чертика. Но чертик не выскочил даже из его собственных штанов. Это была бедная воспитанная девочка, и ему повезло; без миноискателя он мог бы нарваться на такой фугас, что и Люциферу не снился, и бежал бы он тогда по лужам со скоростью, завидной даже светлячку, в интимном парении налетевшему ночью не на светлячка, а на тлеющий окуроч.

Увидев на лице незнакомки растерянность, он обнаглел, вошел в роль и задал вопрос: «Почем стоя?» – рукой указывая на зонтик для страховки. Девочка оглянулась на стоявших недалеко ребят, решила, что отнести вопрос к зонтику будет благоразумнее и ответила: «Двадцать рублей» – и с облегчением решила, что деликатно избежала дальнейшего унижения. Она с трудом переборола желание умчаться вскачь, прочь от почерневшей ехидными улыбками шпаны, и стала тихо-тихо, незаметно даже для себя, на рессорных мягких ногах уходить, и ушла уже, но ее догнала и вонзилась в дрожащую липкую спину, как ржавый гвоздь в крышку гроба, фраза: «За двадцать рублей я мумию египетского фараона изнасилую». В этих обстоятельствах шутка, достойная фюрера фашистов.

Весь мир смотрел и надеялся, что немцы сожгут только свою литературу: Гете, Гейне – на этом костре они сжигали уже культуру. Неважно, на каком языке написана книга, – перевод костра ясен всем. Радость силы, пожирающей буквы разума. Борисенок был сильным не по возрасту – он был прирожденным вором по характеру. Но никогда не общался с блатными, не верил их байкам и знал, что деньги разрушают даже горы. Он с удовольствием ел здесь хлеб и лук, но ни за что не хотел романтики тюремных нар с полным набором кайфа и марафета. Он научил одну соседку писать, как мальчишки, и во время этих упражнений некоторые его

приближенные могли это наблюдать, спрятавшись за забором. Действие по зрелищности превосходило гладиаторские бои. Помпей не мог придумать такое. Такие были развлечения...

Девочка-соседка подметала общий двор и помогала матери чем могла. Однажды она потеряла деньги, когда ходила в магазин. За это ее мать выгнала из дома в чем сама ее родила. Та, не зная куда провалиться от стыда, забежала в общий туалет, не имевший дверей; здание было, скорее, памятником бренности человеческого существования, чем символом солидарности населения. Все знакомые сплетницы (а незнакомых среди них не бывает) столпились вокруг и языками навешивали новые двери на бесхозное здание: вперед стали протискиваться их мужья и вообще всякий сброд. Жены стали честными – ведь они такого в детстве не допускали. Толпа, гудя и шаркая галошами, двигалась к сжавшейся в углу от слез и стыда, не знающей, что ей сначала прикрывать...

Но тут возник Борисенок в проеме дверей. Он расставил руки и упер их в косяки, как будто хотел удержать двери отъезжающей электрички – распятие не означает запрет. Но этот черный «воришка» не собирался никого сюда пускать, слов он не мог говорить. Но осыпались из-под его рук изъеденные шашелью кусочки древесины. Артерии пульсировали на виске, шее и даже на вздутых эстуариях босых ногах. И пена почему-то шла у него из сжатых губ, и глаза не сверкали. Никто не стал смотреть на него – уходили, перешептывались, и жены взяли под руки своих мужей, как будто веди их из больницы. Так стоял он, пока не ушли все. Снял он майку свою и отвел обезумевшую, успокоил ее мать и ее саму.

Только такие люди могут так долго стоять в напряжении, спиной к жалости и лицом к своей совести.

Приятно смотреть на тигра, когда он лежит в разнотравье: кажется, что он нюхает цветочки, – не верьте: он охотится.

На перекрестке собрались свободные от домашних уроков и никогда не свободные от домашних дел пацаны. Витек показался вдалеке, за магазином. По его подпрыгивающей, бодрой походке было видно, что он возвращается от неизвестной только средствам массовой информации – Любаши. План созрел экспромтом – без совещаний и штабных карт. Довольный, словно комсомолец, побывавший на тайном собрании баптистов, или ревнивей, наконец, увидевший сцену измены, Витя подошел к стоявшим в кругу товарищам и поздоровался со всеми, распираемый изнутри как глиняная свинья-копилка, до упора набитая монетами. Ему пожали руку; он не заметил в этих пожатиях брезгливости, но уловил некую отчужденность уличного сообщества. Все молчали.

Это насторожило, и он первый задал вопрос: «А где Хасан?». Рик, сделав скорбную рожу, ответил: «Хасана менты забрали». «За что?» – удивился Витя. Все многозначительно переглянулись, затем «Гитлер» наклонился к его уху и с шипением горящего бикфордова шнура негромко объяснил: «Сегодня весь день по улицам ездил милиция и скорая помощь, забрали Хасана и Борисенка – вчера они были у Любаши!..» Пытаясь не выпускать пороховые газы, Витина оболочка местами прогнулась, но сохранила приличную форму. Приговоренный заочно, все-таки нашел в себе силы расспросить о дальнейшей судьбе друзей. Заговорщики сокрушались и тактично ругали идеологов и воспитателей молодежи, начиная от автора «Женщина и стакан воды» до составителей «Ветвей персика». Ребятишки обладали большой фантазией – их настенная живопись на заборах и в общественных туалетах могла занять достойное место на международных выставках художников-эротоманов, привлекая ценителей в первую очередь своей недосказанностью, как мужчина с татуировкой на интересном месте – в кругу нудистов.

Витя в этих делах был еще дилетантом и наивно спросил: «А что будет, если переспшишь с больной девушкой, и можно ли вообще спастись?». Его ожидание было сравнимо с напряжением электрика, ищущего базу без контрольного прибора. Не получив обезболивающего совета, он притворно-равнодушно смотрел по сторонам. Такие вопросы вообще-то надо зада-

вать по крайней мере гинекологу-студенту, хоть краем уха знакомому с предметом, даже если во время лекций он чаще смотрит в зеркало, положенное на ботинок, чем на наглядные пособия, висящие на стенах аудитории. Уличные ребята много почерпнули из истории Шурика-грузчика. Только что он рассказал им, как приезжий знаменитый артист совершил над ним развратные действия; сомнение вызвало то, что Шурик с его безумной физической силой мог развратить весь хор им. Пятницкого, недавно гастролировавший в городе, а самого артиста впопыхах надел бы на ногу, перепутав с носком; впрочем, ради такого пустячного дела он и туфли не стал бы снимать. Да и денег у него на билет не было – и это исключило возможность для любителей хорошего пения бесплатно насладиться таким душераздирающим актом. Наконец, после недолгого совещания, Вите был дан ответ: «Если опасаться последствий, нужно срочно дезинфицироваться любыми средствами, имеющимися под рукой или в руке (лучше одеколоном или спиртом)».

Подопытный еще немного постоял для приличия в компании, затем вспомнив, что забыл выключить утюг, неспешно отрывая подошвы от асфальта, отправился домой. Через несколько минут из распахнувшихся дверей Витино дома раздался громкий крик; сам он, несколько опережая его, вылетел, как поезд из тоннеля со слезоточивым газом, и помчался по двору, без штанов к водопроводному крану, который стоял в огороде и своей формой изображал непорочный знак вопроса. Витя открыл кран на полную мощность, стал жадно загребать воду обеими руками, как туарег, желающий омыться на двадцать лет вперед, и все ниже пояса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.